

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
Материалы круглого стола «Древности Нижнего
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского
могильника»**

**№ 2
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 2 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редакторы:

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 2 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Древности эпохи поздней бронзы

Усачук А.Н. (<i>Донецк, Украина</i>), Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья	10
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Азаров Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье	38
Чижевский А.А. , Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры	99
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. , Губайдуллина А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.)	124
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология)	165

Проблемы изучения раннего железного века

Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов	179
Овсянников В.В. , Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Воинское святилище на Акбердинском II городище	201
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника	227
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>), Глушков К.Н. (<i>Киров, Россия</i>) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг.	246
Перескоков М.Л. (<i>Пермь, Россия</i>) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника	259

История археологии

Воробьёва С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований	268
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни	292
Резолюция по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г.	306
Список сокращений	307

CONTENTS

Foreword	6
-----------------------	---

Antiquities of the Late Bronze Age

Usachuk A.N. (<i>Donetsk, Ukraine</i>), Bakhshiyev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	10
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V. , Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region	38
Chizhevsky A.A. , Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture	99
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. , Gubaidullina A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials)	124
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology)	165

Problems of Studying the Early Iron Age

Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues	179
Ovsyannikov V.V. , Savelyev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement	201
Chernykh E. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground	227
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Glushkov K.N. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018	246
Pereskokov M.L. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground	259

History of Archaeology

Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects	268
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime	292
Resolution following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018.	306
List of Abbreviations	307

УДК 903.5 (470.51) (091) (045)

К 120-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЙ ЗУЕВСКОГО (ЗУЕВО-КЛЮЧЕВСКОГО I) МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. Е.М. Черных

В статье кратко рассматривается история изучения ананьинского Зуевского могильника в Удмуртском Прикамье, раскопанного в 1898 году А.А. Спицыным по поручению Императорской Археологической комиссии. Публикуются новые материалы исследований могильника в конце XX века. Анализируется динамика физической сохранности памятника археологии, место расположения которого испытало за 120 лет значительные, в основном, губительные для него трансформации. Отдельно автор обращается к характеристикам погребального обряда и инвентаря и анонсирует необходимость новой публикации материалов с учетом их значимости и современных возможностей науки.

Ключевые слова: ранний железный век, ананьинская КИО, Зуевский могильник, история изучения, погребальный обряд, инвентарь.

Зуевский могильник хорошо известен археологам, занимающимся проблемами раннего железного века. Материалы, полученные 120 лет назад А.А. Спицыным в результате раскопок у «Зуевского починка на Теплых Ключах» в Вятской губернии, с того времени многократно становились предметом специального исследовательского интереса. Но сам могильник, к сожалению, разделил судьбу многих раскопанных объектов, не получивших полной авторской публикации. А.А. Спицын опубликовал лишь краткий отчет о раскопках в Отчетах ИАК (1901, с. 43–46). Авторитетнейший финский ученый А.М. Тальгрэн, имевший возможность ознакомиться с рукописным отчетом Спицына и подготовленными им таблицами находок, опубликовал план раскопа (правда, небольшую его часть) и перечень некоторых предметов из погребений (Tallgren 1919, p. 38–45, fig. 43). В 1933 г. дневник раскопок, план раскопок и таблицы вещей из Зуевского могильника были изданы М.Г. Худяковым в выпуске 2 Материалов ГАИМК. Наиболее полный анализ погребального обряда и находок, безусловно, принадлежит А.В. Збруевой (Збруева, 1952, с. 111–125.).

К анализу элементов погребальной обрядности могильника обращались уфимские археологи В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов при публикации материалов раскопок В.В. Гольмстен на Уфимском могильнике (Овсянников, Яминов, 2003), неоднократно – В.А. Иванов (Иванов, 2017), казанский исследователь А.А. Чижевский (Чижевский, 2008),

пермский археолог С.Н. Коренюк (Коренюк, 2000б). Вещевой инвентарь, прежде всего, металлические предметы (кельты, наконечники копий и стрел), с наибольшей полнотой были проанализированы С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983).

Необходимо при этом заметить, что полная и непротиворечивая характеристика погребального обряда Зуевского могильника вряд ли когда-либо будет выполнена. Причина подобного пессимизма очевидна – она кроется в качестве раскопок и их документальной фиксации (см., например, описание погребений из полевого дневника А.А. Спицына – рис. 1). К тому же часть полевой документации была утрачена.

Да и в дальнейшем судьба оказалась на редкость неблагоприятной к этому единственному на территории Удмуртии изученному профессиональными археологами ананьинскому могильнику. Как и многим ананьинским могильникам, Зуевскому не повезло еще и потому, что его территория оказалась в черте деревни, расположенной на привлекательном речном берегу р. Камы. 120 лет назад Спицын писал о починке. В XX в. починок становится деревней, славившейся в округе своими садами (даже в 1960-е годы яблоки из колхозных садов складировали на речной пристани, большими партиями отправляя на судах для торговли в города Сарапул и Осу)¹. В конце Советской эпохи деревня переживала тяже-

¹ По воспоминаниям жительниц д. Зуевы Ключи Пименовой Елизаветы Михайловны (в деревне с 1922 г.) и Дрожачих Лидии Сергеевны (в деревне с 1976 г.)

лые времена и, если бы не живописный ландшафт да особый благоприятный для садоводства и огородничества микроклимат, исчезла бы с карты Удмуртии, как сотни других малых и не очень населенных пунктов. Сегодня – это один из наиболее популярных дачных поселков в прикамской Удмуртии. Но это обстоятельство, увы, не способствовало сохранению памятника археологии. В конце 1990-х годов сотрудникам Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета еще удалось провести на территории могильника небольшие раскопки (Перевощиков, Широбокова, 1996). Сегодня эти участки отведены под дачную застройку (рис. 2) и все наши попытки выполнить исследования территории могильника, прежде всего, те, что предусмотрены российским законодательством для включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, оказались тщетными.

В 2013 г. автором была получена информация о новых разрушениях могильника и находках археологических предметов, собранных с его территории сарапульскими кладоискателями². При этом со слов одного из хозяев дачного участка В. Андреяшкина, на его глазах был поднят бронзовый топорик.

Напомним о некоторых общих характеристиках Зуевского могильника и тех особенных чертах, которые стали достоянием археологической науки за прошедшее столетие. Прежде всего, следует сказать, что, не смотря на устойчивость названия памятника, закрепленную историографической традицией, в соответствии с современной научной номенклатурой его правильнее называть Зуевключевским (д. Зуевы Ключи). Учитывая, что в настоящее время в окрестностях деревни выявлены новые погребальные памятники, он получил нумерацию I-й³ (внесен в Перечень

² Именно в результате этих работ в распоряжении кладоискателей оказалась еще одна бронзовая секира, опубликованная в сборнике материалов конференции, проходившей в Ижевске (Берлин, 2010, табл. 2). Попытка договориться тогда с собственником участка Второвым о проведении научных археологических работ по определению границ территории могильника закончилась ничем, но после проведенной МК УР проверки по нашему заявлению ему было выдано официальное предписание. Как можно видеть на снимке, сделанном весной 2018 г. (рис. 2), территория участка не застраивается.

³ Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая

выявленных объектов культурного наследия УР Постановлением Президиума совета УО ВООПИиК от 25.10.2000 г. № 4).

Могильник занимал поверхность второй надпойменной террасы правого берега Камы, возвышавшейся над поймой реки на высоту до 6 м. В настоящее время, после строительства каскада камских водохранилищ, обширная пойма оказалась затоплена, отчего образовались многочисленные острова-гривы и заливы (рис. 3). Камская вода почти вплотную подошла к деревне и от терраски с памятником археологии (а точнее от дачных участков на ней) к реке перекинута частные мостики-причалы (рис. 2).

Почти четверть века назад, в ходе мониторинга памятников Каракулинского района, проводившегося в рамках целевой общероссийской программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» был снят план памятника (рис. 4), который в наибольшей степени отражает топографическую ситуацию и в то же время позволяет убедиться, что лаконичный план, нарисованный самим А.А. Спицыным в 1898 г., отличается достаточной точностью (к сожалению, опубликован без масштаба). Сопоставление разновременных планов позволяет оценить динамику использования территории памятника (рис. 4, 6) и одновременно степень разрушений древнего культурного пространства.

Узкая и длинная надпойменная терраса на южной окраине починка вычленялась с юга и севера двумя небольшими оврагами с ручьями. В ее северной части размещалась усадьба, а остальная часть использовалась под крестьянские огороды, пашни и хозяйственные постройки. По словам местных жителей, эта часть деревни заселялась позднее всех и называлась «Пучканкой». Л.С. Дрожачих рассказывала: «...в давние времена путешественники, плывая по реке Каме, привозили с собой пучки дикого чеснока, успешно продаваемого на этой улице». В 1929 г., по свидетельству М.Г. Худякова, вся нижняя терраса уже была застроена улицей (1933, с. 3).

В 1950-е годы, до строительства Нижнекамского водохранилища, здесь еще сохранялись остатки строений (заплывшие овощные ямы), огороды и силосные ямы животноводческой колхозной фермы (рис. 7). При

карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск, 2011. С. 86–87.

подготовке к затоплению все сооружения были снесены, что только ускорило разрушение поверхности. В 1980-е годы участок был заброшен и в большей части представлял собой пустырь, заросший бурьяном. Лишь на южном краю площадки нефтяниками был установлен понтон (камская вода подошла вплотную к деревне) и построен домик сторожа (рис. 5). Овраг и ручей с южной стороны террасы нефтяники постепенно засыпали и обустроили дорогу для удобства подъезда к понтону. А территория Зуевключевского II поселения (поздний бронзовый век; начало раннего железного века), открытого на правом берегу ручья и исследованного в 1980–90-х годах Н.Л. Решетниковым и С.Е. Перевощиковым, была полностью смыта Камой (Перевощиков, Широбокова, 1996; Перевощиков и др., 1997; Митряков, 2011; Голдина, Черных, 2011, с. 38–39). В начале XXI в. пустующие участки камского берега в черте деревни были проданы, и территория памятника оказалась размежевана между несколькими собственниками.

В рамках уже упомянутой выше программы «Сохранение ...» 1995–1996 годов, а также в 1998 г. на Зуевском (Зуевключевском I) могильнике, впервые после 1898 г., были проведены работы по его изучению (Черных и др., 1999). С.Е. Перевощиковым были заложены на юго-восточном краю террасы разведочная траншея, а к северу от огорода понтонщика, в центральной части террасы – раскоп. В траншее (рис. 8: 1) изучены 2 ананьинских погребения; в раскопе (рис. 8: 2) – еще 8 погребений раннего железного века и 7 погребений XVI–XVII вв., совершенных в соответствии с христианской традицией (Перевощиков, 1996; 1999; Макаров, Перевощиков, 2006; Голдина, Черных, 2011, с. 87). Эти раскопки продемонстрировали неисчерпанность Зуевского могильника. Но, если современные раскопы на топоплан нанести было несложно, то соотносить их с раскопами А.А. Спицына оказалось гораздо труднее. Учитывая, что в раскопе С.Е. Перевощикова следы раскопок столетней давности выявлены не были (зато обнаружена разведочная траншея, вероятно, времен Нижнекамской археологической экспедиции, отряд которой под руководством В.Ф. Генинга работал на памятниках у д. Зуевы Ключи в 1969–1972 гг.), можно с осторожностью допустить, что он оказался заложен между центральной частью погребений 1898 г. и той

частью могильника, которая А.А. Спицыным обозначена литерой В. Мощное «давление на землю» в течение следующего XX века, которое довелось пережить улице Пучканской, радикально изменило поверхность Зуевского могильника.

Траншея 1995 г. (площадь 16 кв. м). Стратиграфия раскопа простая: под слоем пахоты толщиной 25 см залегал слой серой супеси со строительными остатками толщиной до 30 см, отложившийся на материке – красной глине. Помимо поздних ям, в траншее изучены 2 погребения в грунтовых ямах прямоугольной формы, различавшиеся ориентацией.

Погребение 1 (рис. 9: 1) было обнаружено при зачистке обнажения края террасы (Перевощиков, 1996). Костяк мужской, 45–55 лет⁴, был уложен в прямоугольной яме шириной 50 см, на глубине 50 см (от современной поверхности), головой на ЮЗ, к реке. Череп не сохранился, т.к. именно эта часть ямы оказалась разрушена при строительстве дома. В ногах погребенного обнаружены три бронзовых наконечника стрел со сводчатым пером и выступающей втулкой (типов С-36 и С-50, по С.В. Кузьминых).

Погребение 2 (рис. 9: 2) прямоугольной в плане формы, размерами 198×82 см, зафиксировано на глубине 40 см, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Умерший (муж., 30–40 лет) лежал на спине, ногами к реке, головой на СЗ. Глубина ямы – 10 см. Инвентаря при умершем не было. Как можно убедиться, обратившись к дневнику А.А. Спицына, данное погребение вписывается в ряд типичных для Зуевского могильника.

Раскоп 1996, 1998 гг. (рис. 8: 2). Площадь 192 кв. м. Средняя мощность напластований в этой части террасы оказалась 2,3 м (рис. 11). В их стратиграфии выделены более десятка слоев и прослоек, различающихся составом, структурой, особенностями генезиса. Вторая надпойменная терраса в окрестностях Зуевых Ключей подвержена сильнейшим геоморфологическим трансформациям. Так, например, ложбины в северной и центральной частях могильника, упоминаемые в рукописи А.А. Спицына, вполне могли являться результатом суффозии – выноса (вымывания) мелких твердых частиц подземными водами, что вообще характерно для данных элементов камского

⁴ Половозрастные определения выполнены И.Р. Газимзяновым (Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казань).

побережья⁵. В образовавшемся двухметровом чехле, перекрывшем древнюю дневную поверхность встречаются многочисленные находки как русской деревни, так и более ранних эпох (от поздней бронзы до нового времени). На поверхности материка небольшими линзами был зафиксирован и культурный слой – темно-коричневый суглинок с находками лепной керамики (рис. 10).

Погребение 3 зафиксировано на уровне –90 см. Яма прямоугольной в плане формы с округлым восточным торцом, размерами 187х56 см, ориентирована по линии З–В. Костяк средней сохранности был обнаружен на глубине 109 см. Принадлежал женщине 30–35 лет. Умершая была уложена вытянуто на спине, головой на З (ногами к реке), руки вдоль тела. Около правой кисти расчищены 6 бронзовых пронизок, около правой стопы – массивное каменное пряслице полусферическое в сечении.

Погребение 4 овальной в плане формы зафиксировано на уровне –50 см, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Костей в яме не обнаружено. В засыпке ямы найдены 2 бронзовых предмета – обоймица и пластинчатая бляшка трапецевидной формы, а также фрагменты керамики не менее чем от трех сосудов.

Погребение 5 зафиксировано на уровне –190 см. Могильная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, размерами 185х77 см, ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением к В. На уровне – 204 см расчищены остатки костяка плохой сохранности. Фрагменты черепа обнаружены в юго-западном углу ямы, в северной половине, ближе к западной стенке в нарушенном состоянии найдены кости конечностей. Вещей при костяке не было.

Погребение 6 зафиксировано на уровне – 190 см. Имело четырехугольную в плане форму с сильно закругленными углами, размеры 220х172 см. Ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Глубина ямы 22 см. На дне расчищены остатки четырех умерших. Кости умерших А и Б сложены двумя кучками в СЗ половине могилы, В и Г – в ЮВ, также двумя компактными скоплениями. Рядом с костяком Б найдена челюсть животного. Вещей в могиле не было.

Погребение 7 зафиксировано на уровне – 65 см. Имело прямоугольную в плане форму, размеры 186х60 см, максимальную глубину – 90 см. Яма ориентирована по линии С–Ю. Костей и вещей в яме не обнаружено.

Погребение 8 зафиксировано на уровне – 95 см, имело прямоугольную в плане форму, размеры 180х50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Костяк хорошей сохранности был расчищен на дне ямы (уровень –110 см. Умерший был уложен вытянуто на спине со слегка подогнутыми ногами, руки вдоль тела, головой на ЗСЗ (ногами к реке). Вещей не обнаружено.

Погребение 9 зафиксировано на уровне – 190 см. Яма прямоугольной в плане формы, с несколько расширенным юго-восточным торцом, размерами 255х94 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Максимальная глубина – 204 см. На уровне фиксации могильной ямы, у СВ торцевой стенки, расчищен череп теменной частью вверх. Других находок в яме не было.

Погребение 10 зафиксировано на уровне – 220 см. Могильная яма круглой в плане формы, диаметром 35х34 см. В яме найдены фрагменты черепных костей и нижней челюсти человека.

Таким образом, можно заметить, что ананьинские погребения фиксировались на различной глубине от поверхности (в зависимости от занимаемого местоположения, 0,4–2,2 м), но все характеризовались небольшой заглубленностью в подстилающий (14–25 см). И тем не менее, при небольшой площади исследований, раскопки 1990-х годов, как видим, дали различные варианты ориентировки могил и способов погребения. В размещении погребений можно видеть то же направление рядов, что и на схеме А.А. Спицына – ССВ–ЮЮЗ и СВ–ЮЗ.

Помимо описанных погребений на площади раскопа расчищены еще 2 скопления человеческих костей (отдельно кости черепа и кости конечностей и ребер); без фиксируемых очертаний могильных ям. Разрозненные кости человека встречались и в ямах, оставшихся от построек деревни. Фрагменты керамики из культурного слоя принадлежали лепным сосудам с серым и серо-коричневым цветом поверхности, примесью раковины и иной органики в тесте. Сосуды украшены в резной и шнуровой технике, а также ямочными вдавлениями. По общему облику керамика

⁵ Предположение принадлежит геологу, к.г.н. А.В. Сергееву, с которым мы несколько сезонов отработали вместе на памятниках Зуевключевского археологического микрорайона.

соответствует раннеананьинским традициям (рис. 10: 1–6). Но есть и сосуды, главным образом, встреченные в слое разрушения, характерные для эпохи поздней бронзы, как например сосуд баночной формы, морфологически соответствующий стереотипам срубной КИО (рис. 10: 7). То есть, до возникновения могильника этот участок террасы, как и противоположный берег ручья, были заняты более ранними поселками.

В 2008 г. нами была предпринята работа по фотографированию и зарисовке предметов из коллекции А.А. Спицына, хранящейся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа⁶. После сверки коллекции с инвентарной книгой музея и дневником раскопок 1898 года, мною вместе с художниками кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского университета Л.И. Липиной и И.Г. Соловьевой были скомпонованы таблицы сопровождающего инвентаря с учетом его размещения в погребениях (комплексы вещей), что рассматривается сегодня как необходимое условие презентации материалов некрополей и дальнейшей аналитической работы с ними. Необходимо отметить, что в процессе работы нам пришлось столкнуться с трудностями, хорошо известными всем музейным сотрудникам и археологам, обращающимся к дореволюционным коллекциям, среди них:

- 1) Предметы упоминаются в описании погребения, но отсутствуют в инвентарной книге и в коллекции;
- 2) Предметы есть в описании и в коллекции, но отсутствуют в инвентарной книге;
- 3) Предметы имеются в коллекции, но отсутствуют как в описании, так и в инвентарной книге.

Самым печальным «открытием», пожалуй, явилось для нас отсутствие в коллекции почти 40 сосудов, упоминаемых в рукописи А.А. Спицына.

⁶ Хранителем коллекции (ГЭ, № 609) на тот момент являлась Е.И. Ояева, оказавшая нам всемерное содействие, как и другой сотрудник отдела М.Д. Кузнецова. Без их доброго участия эта работа вряд ли состоялась. К сожалению план нового издания материалов могильника до сих пор не реализован. Будем считать, что настоящей публикацией мы его несколько приблизим.

Основные характеристики погребального обряда Зуевского (Зуевключевского I) могильника⁷

Прежде чем характеризовать погребальный обряд могильника, повторимся, что, учитывая особенности полевой документации раскопок, качественные и количественные данные по признакам погребального обряда возможны лишь в отношении останков погребенных и зафиксированного с ними инвентаря. Вместе с тем, некоторые его признаки вполне верифицируются материалами раскопок С.Е. Перевошикова. При этом важно также то, что после обнаружения в 1996 г. на площади ананьинского некрополя позднерусских захоронений, количественные показатели не следует абсолютизировать, так как некоторые безинвентарные костяки из спицынских раскопок могли и не принадлежать ананьинцам.

На данный момент на могильнике изучено 228 захоронений⁸. Безусловно, общее количество погребений требует более тщательной корректировки, поскольку далеко не всем коллективным погребениям А.А. Спицыным присваивались отдельные номера. Во всех случаях способом захоронения являлись ингумации. Никаких признаков кремации зафиксировано не было. Захоронения совершались преимущественно в индивидуальных ямах. В 16 погребениях обнаружено по 2 костяка (пп. 13, 27, 34, 39, 53, 54–56⁹, 63–64, 73–74, 95–97, 110–111, 139–140, 164–165, 169–170, 171–172, 184–185, 208–209), в 3-х погребениях – по три (пп. 31–32, 104, 162–163), в 3-х – по четыре (пп. 33, 60–62, 61). В одном погребении изучены пять (п. 65–66) и в одном же погребении шесть (пп. 81–83, 85, 88, 91) костяков.

⁷ Хотелось бы напомнить, что антропологический материал из раскопок А.А. Спицына нами не обнаружен. Перепроверить определенные автором пол и возраст не представляется возможным. Рисунки костяков (весьма схематичные) даны в дневнике исследователя очень избирательно (рис.1), но дают общее представление о характере и размещении сопровождающего инвентаря. Далеко не везде автором указывалась форма могильных ям и их размеры, наличие погребальных конструкций.

⁸ Погребения, исследованные С.Е. Перевошиковым, имеют самостоятельную нумерацию. Во избежание путаницы они снабжены надстрочным знаком¹.

⁹ Двойные номера погребений соответствуют описаниям А.А. Спицына.

Умерших укладывали на спину в вытянутом положении. Несущественные отклонения от нормы зафиксированы, главным образом, в отношении рук (уложены на таз (п. 6), либо на живот (п. 195)). В трех случаях можно говорить о положении захороненных на боку с подогнутыми ногами (пп. 62, 63–64, 169–170).

Весьма проблематичным в описанных условиях выглядит и разделение труположений на могильнике на полные, вторичные, или частичные¹⁰. Под обрядом вторичного захоронения подразумевается погребение не трупа, а костей, очищенных от соединительных тканей. Своеобразие данного обряда заключалось в том, что кости умершего перед захоронением очищались, а затем уже укладывались в яму. Вероятней всего, практиковался обряд первоначального размещения трупа на специальном помосте до разложения мягких частей тела (соединительных тканей и сухожилий), а затем кости вместе с инвентарем укладывались в могилу. После чего кости помещались в могилу в нарушенном от анатомического порядка состоянии, а некоторые вообще не попадали, вследствие естественного разрушения от долгого пребывания на открытом воздухе, или их сознательно выбрасывали из могильной ямы. А.А. Чижевский выделил два типа вторичных погребений для погребальных памятников финала бронзового – начала раннего железного века в Волго-Камье (Чижевский, 2008, с. 15), но, к сожалению, применить данную типологию к зувеским погребениям нельзя. Как вторичные мы рассматривали погребения, где кости в могильной яме находились в нарушенном («расстроеном», как их характеризовал А.А. Спицын) состоянии. Но при этом, и кости и инвентарь должны были находиться на одном уровне.

Вторичные погребения для ананьинской культуры шнуrowой керамики, к которой принято относить Зувеский могильник, в целом не характерны (Чижевский, 2008, с. 63). О вторичных захоронениях на могильнике можно говорить для 5 случаев (2,2 %). К этой группе отнесены 4 одиночных могилы и одно коллективное (п. 61). Два вторичных погребения инвентаря не содержали (пп. 25

и 61), в остальных набор сопровождающих вещей скорее характерен для женских погребений: бронзовые височные кольца (пп. 40, 43) и браслеты (п. 43), керамические сосуды (п. 43).

Еще 13 погребений (5,91%) можно отнести к типу частичных; это захоронения отдельных черепов (пп. 21, 34, 56, 62, 153, 91, 101 – всего 7), нижних конечностей (пп. 135, 152, 155, 156 – всего 4), костяков без черепов (пп. 13, 42 – всего 2). Из 7 черепов три атрибутированы как детские (пп. 21, 62, 153); о половой принадлежности остальных погребенных сведения отсутствуют. В раскопе 1998 г. С.Е. Перевошиковым зафиксировано помещение черепа как в могильную яму обычных размеров (п. 9), так и в специально выкопанную небольшую ямку (п. 10). Большинство частичных захоронений (за исключением пп. 152, 91, 101) сопровождалось вещами, более характерными для мужских наборов: наконечники стрел (п. 155), медные бляшки, медные бусы (пп. 21, 42), железные ножи (пп. 13, 135), кельты (п. 155), керамические сосуды (пп. 21, 56, 62, 153), кости животных (пп. 155, 156). Доля частичных погребений в Зувеском могильнике близка показателю по могильникам АКШК в целом (ок. 5%; Чижевский, 2008, с. 70), но эта цифра, как замечает сам исследователь, получена без учета некрополей Пермского Прикамья¹¹.

Ориентировка костяков восстанавливалась по дневниковым записям и черновым зарисовкам А.А. Спицына, а также с помощью схематического плана, опубликованного М.Г. Худяковым. За немногим исключением (в 38 случаях ориентировка не установлена), изученные костяки (156; 68,4%) лежали ногами к линии берега, головой на северо-запад, с отклонением к северу. Данный признак (ногами к реке) с некоторой осторожностью рассматривается в качестве хронологического. Если в наиболее ранних ананьинских могильниках число погребенных ногами к реке составляет от 30% на Новомордовском I и до 45% – на Залазнинском, то на более позднем Акозинском их уже 88%, а на Оханском – 95,8% (Коренюк, 2000б, с. 114). В то же время А.А. Чижевский подчеркивает, что ориентация умерших ногами к реке составляет особенность культуры ананьинской шнуrowой керамики (2008,

¹⁰ Об этом пишет сам А.А. Спицын в дневнике, оговариваясь, что порой затруднительно сказать было ли зафиксированное положение костей изначально (1933, с.10).

¹¹ Доля частичных погребений в данных могильниках составляет 2% (Коренюк, 2000а, табл. 2, с. 71).

с. 70). 15 умерших лежали головой на ЮВ, к реке («обратная», у А.А. Спицына); еще 16 костяков имели «поперечную» (вдоль реки) ориентацию (12 – на СВ и 4 – на ЮЗ (п. 5, 136, 137, 11). У двух взрослых костяков зафиксирована необычная южная ориентация (п. 23 и 47); общим для обоих погребенных следует отметить глиняные сосуды в изголовье. Еще в 3-х случаях фиксировалась ориентация головой на З (пп. 28, 31, 81), но объективно она близка к основной схеме – ногами к реке.

Из прочих признаков погребального обряда обычно исследователи фокусируют внимание на следах ритуальных действий, как, например, кострища или отдельные угли, остатки поминальной пищи. А.А. Спицыным отмечены угли на дне могильной ямы или в засыпи (п. 35), обожженные камни (п. 13), следы обжига на костях (пп. 13, 40). Обращают внимание также на отдельные каменные плиты при некоторых костяках – в головах или ногах погребенных (№№18, 35, 73–74, 76, 88). А.А. Чижевский склонен рассматривать их как конструктивные элементы погребального сооружения (Чижевский, 2008, с. 63), тогда как М.Г. Худяков (вероятно, вслед за А.А. Спицыным) какой-либо закономерности в их расположении не замечал: «Отдельные камни, почти всегда со следами пребывания на огне, попадались изредка в разных местах могильных ям, но правильных кладок из камней вообще не замечено» (Худяков, 1933, с. 6). Особо отметить необходимо разве что погребение 35, где в ногах умершего найден камень вместе с разбитым глиняным сосудом и остатками зубов коня или коровы. Рядом с камнем – следы угля и пепла. Этот комплекс имеет больше оснований для интерпретации его как особого ритуала прощания с умершим – тризны.

В межмогильном пространстве (на участке между пп. 14, 15 и 34, 35) расчищено любопытное скопление камней, своеобразная каменная гряда, напоминающая выкладки на Луговском и Ананьинском могильниках. А.А. Чижевский, заново проанализировавший погребальные памятники АКИО, высказал предположение о сибирском (раннекочевническом) происхождении данной традиции в некрополях «шнурового ананьино», связав ее с поминальными обрядами (Чижевский, 2008, с. 69). Но, как следует из материалов раскопок 1996 и 1998 годов, велика вероятность связи этих камней и с особенностями формирова-

ния намывных слоев (слои № 8 и 11), перекрывавших горизонт погребений раннего железного века. С.Е. Перевощиков отмечает, что эти слои (красная глина) в раскопе характеризовались содержанием мергеля, как крупного, так и мелких конкреций (Перевощиков, 1999, с. 5).

Погребальный инвентарь

Инвентарь встречен в 179 погребениях Зуевского могильника (78,51%) и представлен пятью функциональными группами предметов: 1) предметы вооружения; 2) снаряжение коня; 3) украшения одежды; 4) совокупная группа орудий труда, предметов быта, туалета и культа; 5) керамика. Более 60% могил содержали в своем составе 1–2 предмета. В 45 погребениях (27,1%) находилось от 4-х до 8 предметов. 49 погребений (21,49%) отнесены к безинвентарным.

Комплекс вооружения составляют категории наступательного оружия ближнего и дальнего боя (наконечники стрел и копий, мечи, топоры, кельты) и военного снаряжения (ножны, втоки, колчаные крюки). Обнаружены в 82 погребениях (45,8% от всех погребений с инвентарем). Среди наконечников копий 13 бронзовых, 19 – железные; среди наконечников стрел – абсолютно преобладают бронзовые (91 экз.) и только 3 железных. Но также есть 23 костяных наконечника и 2 кремневых. Особенную категорию предметов вооружения составляют железный топор-секира (погр. 30) и бронзовый чекан (погр. 22), а также короткие мечи (5 экз.). Кельты (всего 61 экз.) происходят из 46 погребений, а также из числа купленных АА. Спицыным у местных крестьян. Самые многочисленны кельты типов КАН-64, КАН-74, КАН-80 и КАН-84. Наконечники стрел и копий, а также кельты можно отнести к самым массовым категориям инвентаря (после сосудов) в погребениях. Практически все предметы данной группы исследованы С.В. Кузьминых спектрально-аналитическим методом (Кузьминых, 1983).

Предметы конского снаряжения представлены как функциональными, так и декоративными деталями сбруи – удила, псалии, распределители ремней, бляшки и пронизи узды, ворворки. Происходят из 17 погребений (9,5% от всех могил с инвентарем), еще 9 предметов данного класса – это находки вне могил (Черных, 2019).

Орудия труда встречены в 37 погребениях (20,7%) – это ножи, шилья, иглы, осел-

ки, пряслица. Предметы быта, культового и иного назначения содержали 13 погребений (7,3%), но при этом оговоримся, что в данную группу не включены некоторые кости животных, например, клыки, которые вполне могли использоваться как амулеты. Отдельно учитывались и находки глиняной посуды, зафиксированные в 66 погребениях (36,9%). Но этот показатель представляется завышенным. Как показали раскопки 1990-х годов, могильник был устроен на месте более раннего поселения и часть черепков, упоминаемых Спицыным, вполне могла попасть в могилы из культурного слоя.

К сожалению, не все сосуды сохранились в фондах ГЭ¹², что не позволяет дать полную характеристику зувевской коллекции. Сосуды все характеризуются чашевидной формой: 1) с вертикальной, относительно высокой шейкой; 2) со слабо отогнутой наружу шейкой; 3) с шейкой, вогнутой внутрь и 4) сосуды без шеек. Чаще всего погребенные сопровождалась одним сосудом (49 случаев), поставленным в изголовье, но в некоторой части могил отмечены два (8 случаев) и даже три сосуда (3 случая).

Украшения тела и одежды встречены в 66 погребениях (36,9% от всех могил с инвентарем). Украшения распределяются между следующими категориями: бусы, височные кольца, перстни, браслеты, пронизки, подвески, гривны, бляшки и накладки, наконечники ремней. Самыми многочисленными среди украшений, безусловно, являлись различные типы бляшек, пронизок и бусы.

Установить какие-либо половозрастные предпочтения в помещении тех или иных категорий украшений в могилы не удастся. Напротив, только мужские захоронения сопровождали предметы вооружения, сложный наборный пояс (пп. 94 и 168), точильные камни и гальки. Присутствие галек рядом с костяками отмечается нередко. Четкая закономерность в их количестве отсутствует – от 1 до 5 в одном погребении. В основном, они зафиксированы в изголовье умершего (19 случаев), слева от головы (2 случая), у правого (1 случай) или левого предплечья (1 случай), но встречены

также у колена (3 случая) и на тазовых костях (2 случая).

Совершенно очевидными в связи с этим выглядят многочисленные обращения, начиная с М.Г. Худякова, к мужским погребениям Зуевского могильника как к источнику для реконструкции социальных структур ананьинской эпохи. В авторском введении к публикации материалов А.А. Спицына М.Г. Худяков, отдавая дань советской социархеологии 1920–30-х годов, сделал ряд важных замечаний по этому поводу. Прежде всего, что наличие большого числа коллективных погребений в Зуевском могильнике служит ярким свидетельством рода как основы общественного устройства ананьинской эпохи (1933, с. 9). Признаком статуса мужчины в ананьинском обществе являлся бронзовый топор (секира, клевец). А выразительные предметы с зоо- и орнитоморфными мотивами в погребальном инвентаре открывают возможности для характеристики религиозных представлений ананьинцев (магия, тотемизм и др.).

А.В. Шмидт согласился с М.Г. Худяковым в определении Зуевского могильника как рядового места захоронения одной (среднестатистической) родовой общины, в которой уже налично социальное расслоение. Он выделил среди мужских захоронений три группы: с необычно богатым инвентарем, безинвентарных и переходную между этими двумя (Шмидт, 1934, с. 89–90). К последней группе принадлежало большинство членов родовой общины – мужчин, занятых в производстве и в случае необходимости с оружием выступавших на защиту своего коллектива.

А.В. Збруева, после раскопок Луговского могильника, послужившего основой более надежных наблюдений за составом погребений, предложила свое видение характера распределения инвентаря в погребениях, выделив среди мужских семь групп, отличающихся наборами оружия и орудий, а среди женских – четыре группы. Эти различия А.В. Збруева считала возможным объяснять имущественной дифференциацией внутри патриархального рода, вплоть до патриархального рабства (1952, с. 148–163). Более того, увеличение почти вдвое доли безинвентарных погребений в Зуевском могильнике по сравнению с Луговским, по ее мнению, являлось хорошим подтверждением роста милитаризации ананьинского общества и, соответственно, роста численности пленных рабов,

¹² По-видимому, не все сосуды были А.А. Спицыным доставлены в Археологическую Комиссию. А.В. Збруева, работавшая с коллекцией еще в довоенный период, указывала лишь 11 орнаментированных сосудов, что для ананьинской керамики выглядит довольно странным (1952, с. 73).

использовавшихся в патриархальном хозяйстве.

Столь прямолинейный социологизм, вряд ли приемлем сегодня, но методология археологии находится в активной фазе развития и это внушает надежду, что и эвристический потенциал Зуевского могильника также далеко не исчерпан¹³. Как представляется, одной из наиболее насущных задач исследований является в настоящий момент уточнение хронологии некрополя. В рамках подготовки нового издания Зуевского могильника авторы постараются решить задачи как класси-

фикации погребального инвентаря (материал погребений уже скомпонован в более чем 50 таблиц¹⁴), так и определения его места в актуальной хронологии ананьинских древностей. Одновременно С.В. Кузьминых продолжено спектрально-аналитическое исследование предметов из цветного металла (украшения), что, без сомнения, значительно расширяет познавательные возможности источника и открывает прежде неочевидные пути решения старых проблем (Королькова, 2010; Трейстер, 2012; Ольговский, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Берлин А.В. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2010. С. 150–162.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 220 с.

Иванов В.А. О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 175–182.

Карпова Г.И. Отчет о разведке в районе с. Красный Бор – с. Нырғында // Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 963.

Королькова Е.Ф. Браслеты со звериными головками из погребений Гумаровского и Зуевского могильников // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 300–305.

Коренюк С.Н. Некоторые проблемы изучения ананьинской культуры // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конф., посвященной 75-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Ижевск, 28–30 марта 2000 г.) / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2000а. С. 113–116.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Матер. науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000б. С. 68–79.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983.

Макаров Л.Д., Перевоицков С.Е. Новый христианский могильник периода русской колонизации Удмуртского Прикамья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 169–177.

Митряков А.Е. Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевключевского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 50–54.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–57.

Ольговский С.Я. О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 209–223.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб, 1901. С. 41–46.

¹³ Здесь можно сослаться на столь же давнюю работу венгерского исследователя Д. Ласло, предложившего свою разбивку зуевских погребений по принципу их размещения в рядах и сопровождающему материалу (1954).

²⁴ Для наглядности привожу одну из таких таблиц, иллюстрирующую комплекс погр. 173 с условно-схематическим изображением останков погребенного, как они зафиксированы в дневнике А.А. Спицына.

Перевозицков С.Е. Отчет об охранных археологических раскопках Зуевключевских поселений и могильников, выполненный согласно договора № П-18/3 с Институтом археологии АН России. Ижевск, 1996 / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 341.

Перевозицков С.Е. Отчет об охранных археологических раскопках Зуевключевских поселений и могильников, проведенных в 1998 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики. Ижевск, 1999 / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 372.

Перевозицков С.Е., Широбокова Н.Ф. Исследования Зуево-Ключевских II поселения и могильника // АО 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 273–274.

Перевозицков С.Е., Широбокова Н.Ф., Салангин Д.А. Исследования Зуево-Ключевских могильников и стоянки // АО 1996 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1997. С. 273–274.

Трейстер М.Ю. Медно-никелевые браслеты с окончаниями в виде головок животных из Гумарово // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Приложение. М.: ТАУС, 2012. С.166–167.

Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л., 1933. С. 5–14.

Черных Е.М. Предметы конского снаряжения из Зуевского могильника ананьинской культуры шнуровой керамики в Удмуртии // Поволжская археология. 2019. №1. С. 136–149.

Черных Е.М., Перевозицков С.Е., Лантева Т.А. К 100-летию исследования Зуевского могильника: возобновление раскопок комплекса памятников у д. Зуевы Ключи // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. науч. конф. (Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.). Челябинск: Рифей, 1999. С. 125–127.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

Шмидт А.В. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК. Вып. 106. М.-Л., 1934. С. 13–96.

Lazslo Gy. Das Gräberfeld von Zuevo // Dissertationes archaeologicae ex instituto archaeologico universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Budapest, 1961. № 3. P. 465–478.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie Orientale / SMYA. T. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

120TH ANNIVERSARY OF THE STUDY OF ZUEVSKY (ZUEVOKLYUCHEVSKY I) BURIAL GROUND

E.M. Chernykh

The article features a summary of the history of studying Ananyino Zuevsky burial ground in the Udmurt Kama region excavated in 1898 by A.A. Spitsyn by an assignment of the Emperor's Archaeological Commission. New materials of burial ground studies of the late 20th century are published in the article. The author analyzes the dynamics of the physical preservation of the archaeological site, which has experienced significant and mainly destructive transformations over the 120 years. The author also refers to the characteristics of the funeral rite and inventory, and announces the need for a new publication of material with due account of their significance and the modern capabilities of science.

Keywords: Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Area, Zuevsky burial ground, history of studying, burial rite, inventory

About the Author:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru



Рис. 2. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Вид на д. Зуевы Ключи с участком, на котором расположен памятник (съемка А.Е. Митрякова, 9.05.2018 г.).



Рис. 3. Вид Нижнекамского водохранилища в окрестностях д. Зуевы Ключи (фото С.А. Первозчиковой 2018 г.).

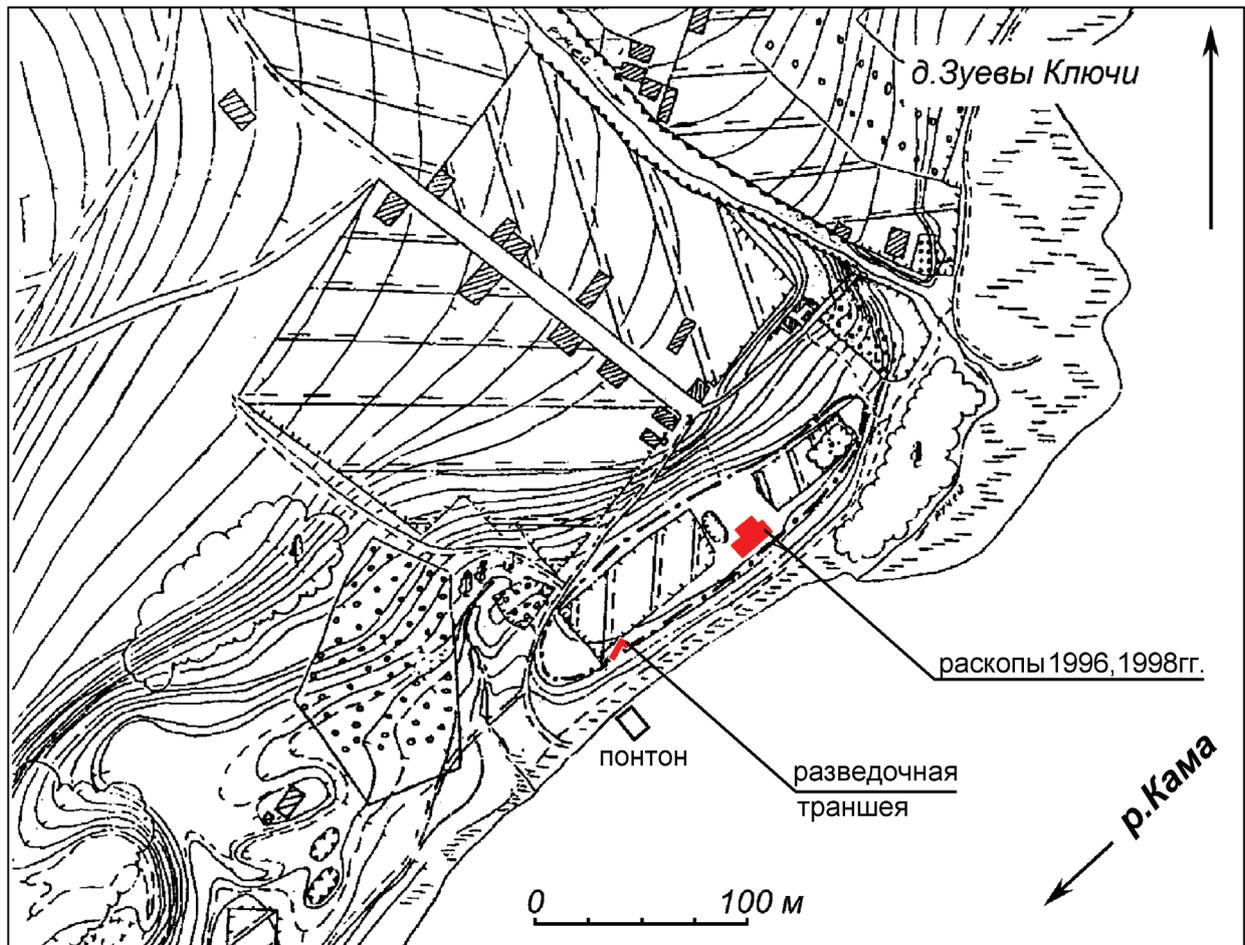


Рис. 4. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Топографический план (съемка Л.Д. Макарова, 1995 г.).



Рис. 5. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Вид с СЗ на площадку могильника в 1995 г. (фото Л.Д. Макарова).

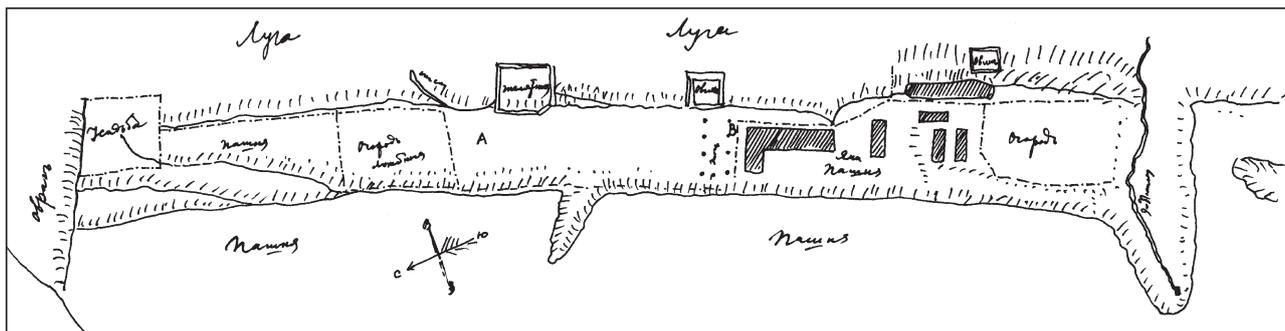


Рис. 6. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. План А.А. Спицына 1898 г.

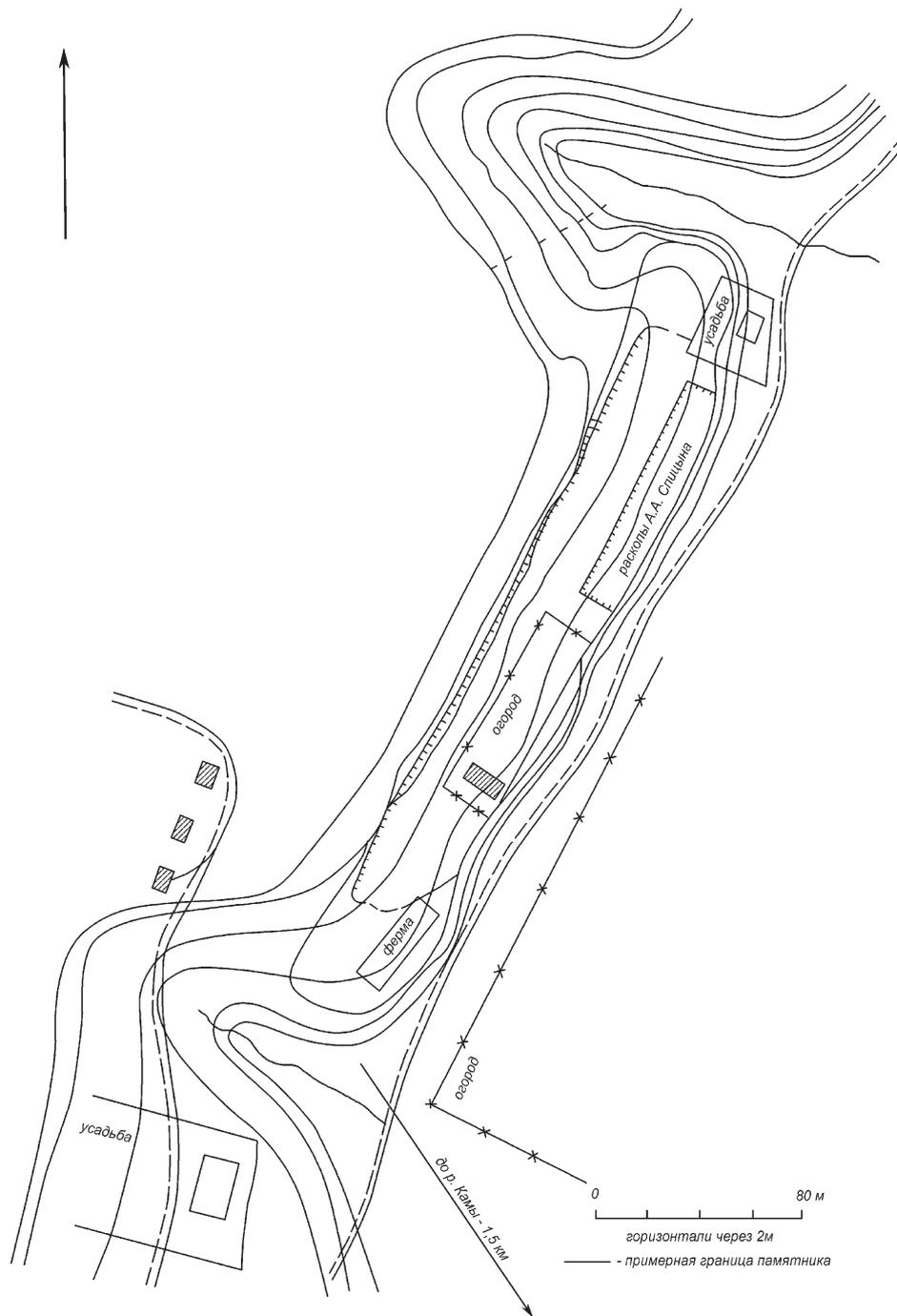


Рис. 7. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. План 1954 г. (Карпова, отчет за 1954 г., с. 47).

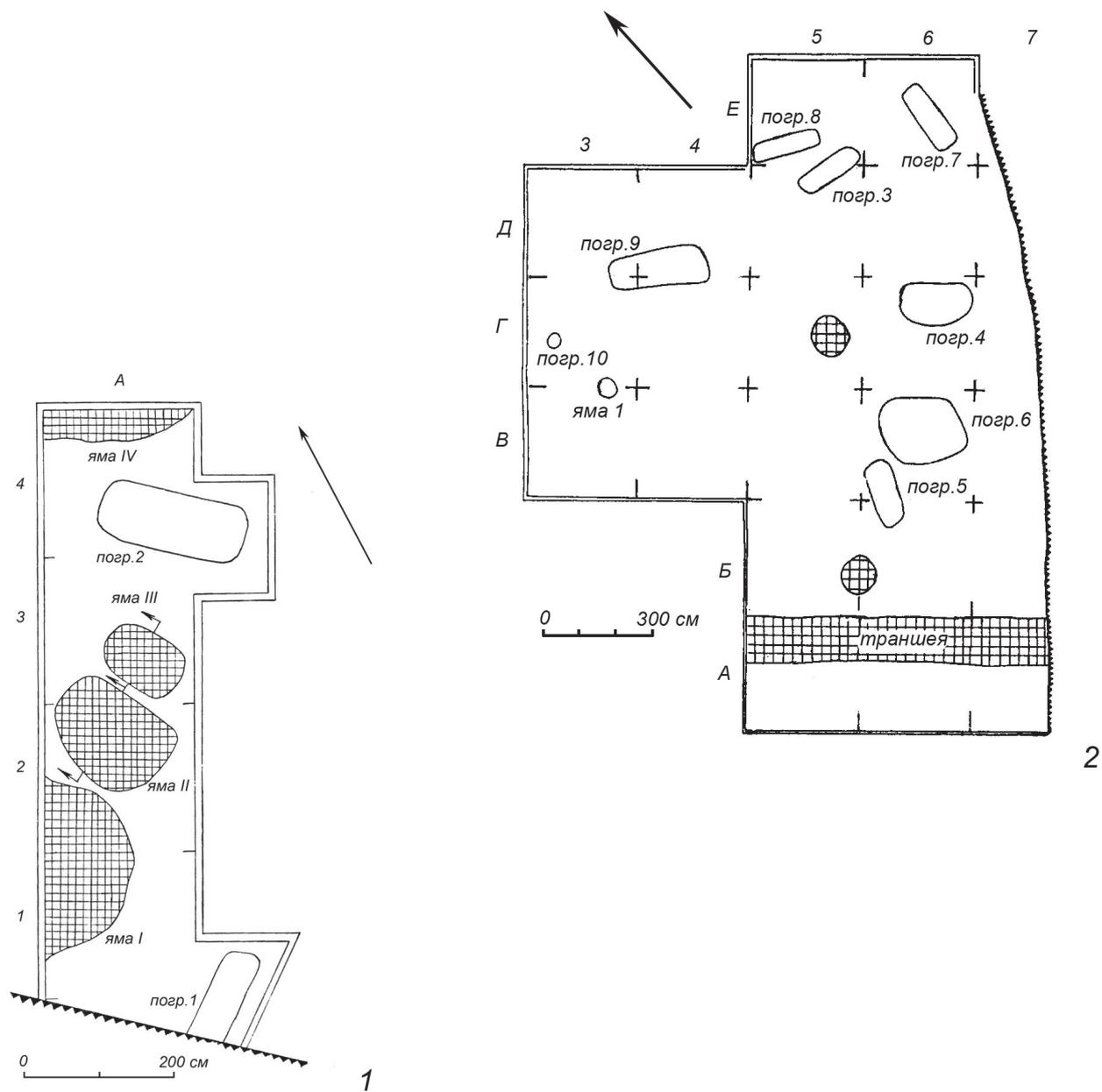


Рис. 8. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Планы раскопов С.Е. Перевощикова (1 – траншея 1995 г.; 2 – раскоп 1996, 1998 гг.).

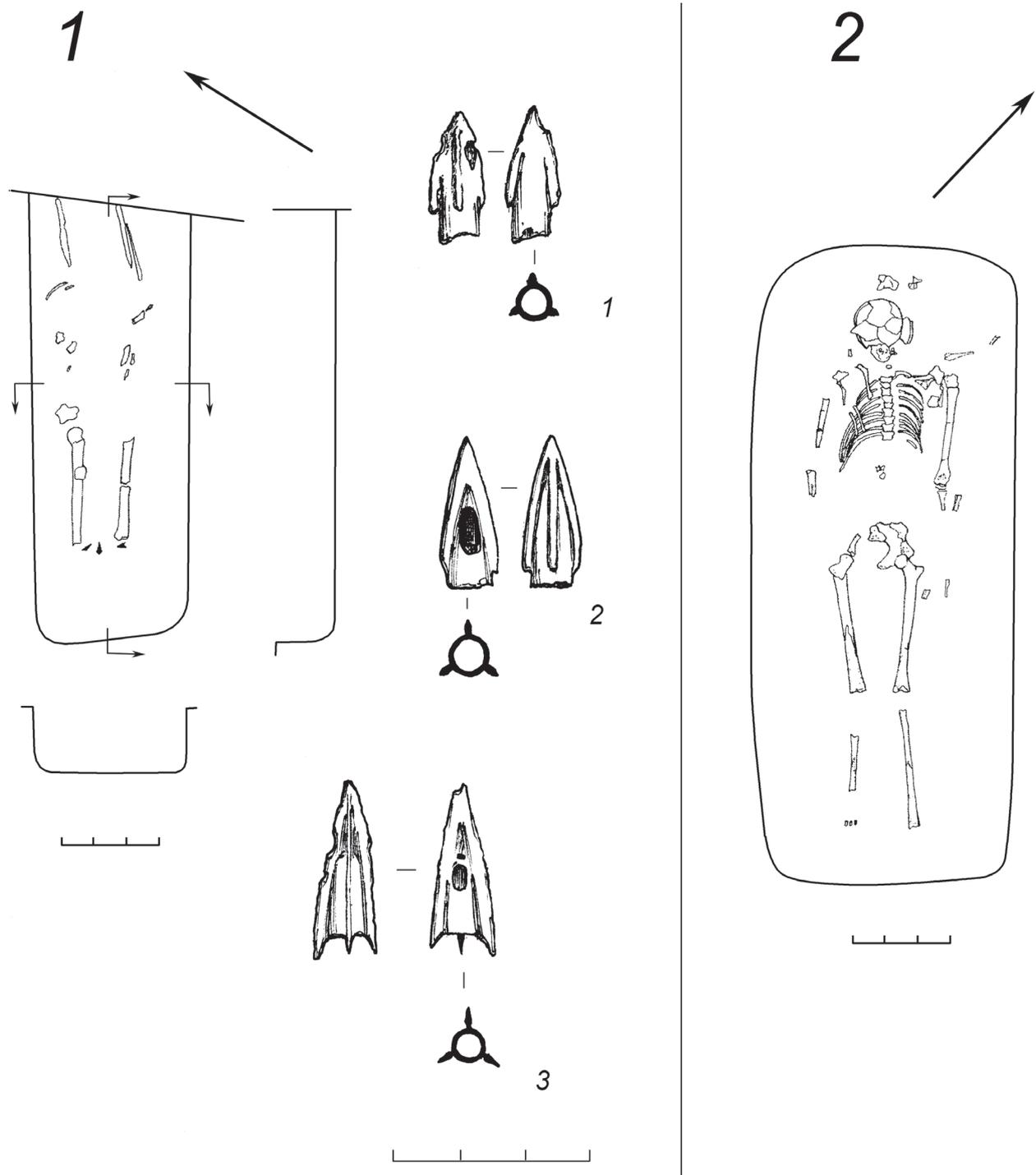


Рис. 9. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Планы погребений 1 и 2 (раскопки С.Е. Перовщикова, 1995 г.)

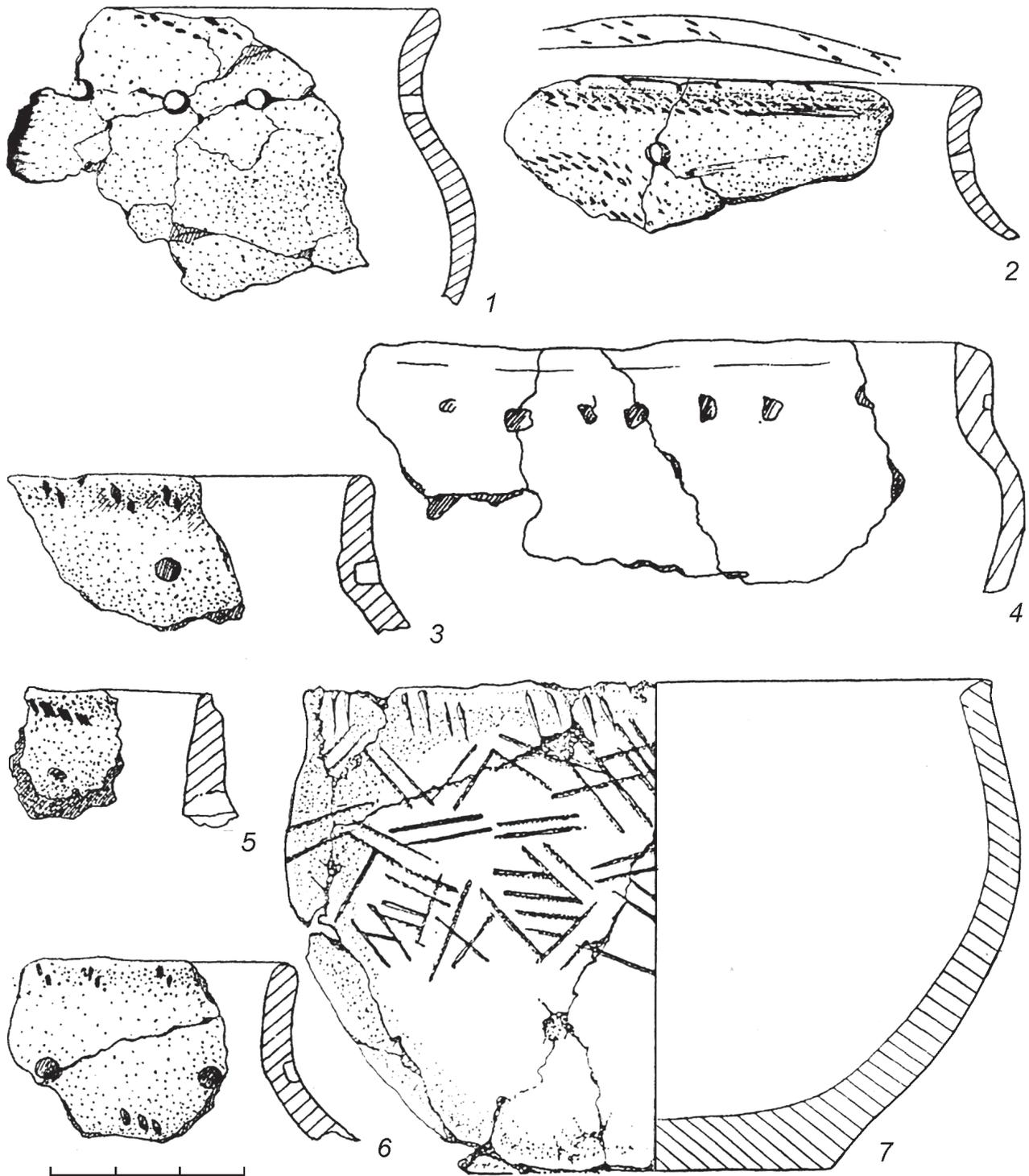


Рис. 10. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Керамика из разрушенных слоев Зуевоключевской III стоянки (поселения).



Рис. 11. Зувский (Зуевключевской I) могильник. Раскоп 1998 г. (рабочий момент).

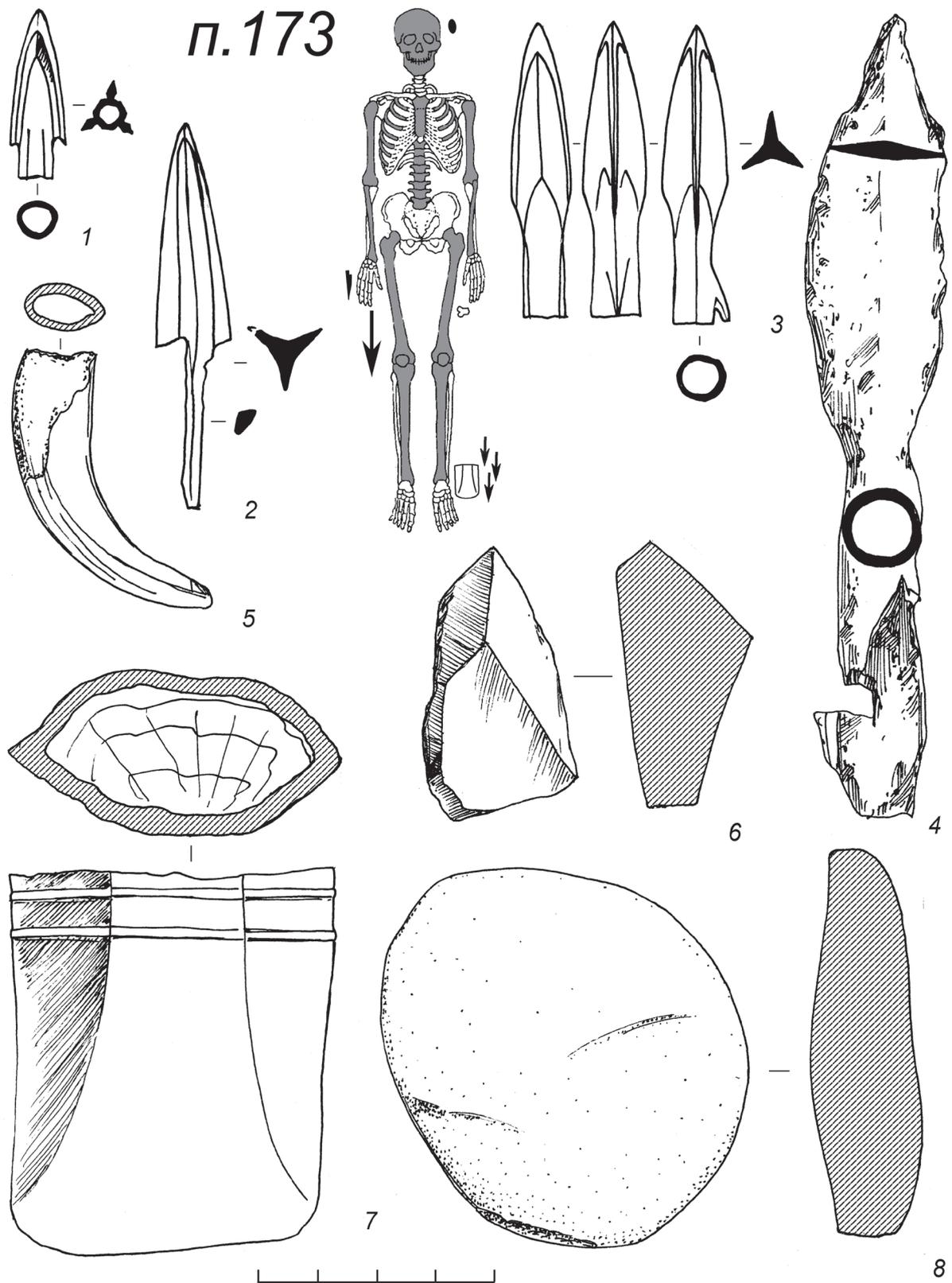


Рис. 12. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Комплекс инвентаря из погребения 173.